

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ТИШРЕЙ - ХЕШВАН 5772

ПЕТРОЗАВОДСК
N 159

ОКТЯБРЬ 2011

МЕСЯЦ СТЕН

Марина Карпова

Эту статью хотелось бы начать эпизодом из недавней истории. В 1938 году, когда Палестина была охвачена арабскими беспорядками, Национальный комитет (высший орган самоуправления еврейской Палестины) принял решение ввести дополнительный налог на содержание отрядов самообороны.

Национальный комитет состоял из представителей сионистских партий, часть же иерусалимских ультраортодоксов, крайне враждебных сионизму, категорически отказалась платить этот налог, заявив, что они и так участвуют в обеспечении безопасности еврейского народа, поскольку посвятили свою жизнь изучению Торы.

Обосновывая свою позицию, иерусалимцы сослались на известную агаду из Иерусалимского Талмуда (Хагига, 7бс): "Однажды рав Ами и рав Аси пришли в город. Они спросили его обитателей: "Кто стражи города?" Жители указали им на солдат и стражей, на что мудрецы ответили: "Не эти нетурей карта ("стражи города"), это - разрушители города. Настоящие нетурей карта - мудрецы и благочестивые люди. В их заслугу город защищен".

Разумеется, изучение Торы и соблюдение заповедей жизненно необходимы для существования еврейского народа. Вопрос: является ли это не только необходимым, но и достаточным условием? Иными словами, может ли изучение Торы быть единственной гарантией безопасности народа Израиля?

Ответить на этот вопрос поможет изучение еврейского исторического календаря за месяц элул, поскольку в эпоху Второго храма в этот последний месяц еврейского лета произошло несколько событий, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемой теме.

Первое из этих событий произошло в годы правления Нехемии, которого персидский царь Артаксеркс назначил сатрапом Иудеи, бывшей в то время одной из провинций Персидской империи. Положение в Палестине в те времена было крайне тревожным. Между иудеями, вернувшимися из вавилонского плена, и окружающими языческими племенами сложились крайне напряженные отношения, и евреи все время пребывали в страхе внезапного нападения. Поэтому, прибыв в Иерусалим, новый правитель первым делом занялся обеспечением безопасности.

В поколении Нехемии было несколько выдающихся мудрецов, и среди них книжник Эзра, о котором мудрецы впоследствии говорили, что он был достоин получить Тору вместо Моше (Сангедрин, 20а). Однако Нехемия решил, что заслуг даже столь великого знатока Торы все-таки недостаточно для обеспечения безопасности Иерусалима. Поэтому, будучи еще в Персии, он получил от царя полномочия для возведения стены вокруг Иерусалима: "И сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к наместникам Заречья, чтобы они давали мне пропуск, пока я не дойду до Иудеи. И письмо к Асафу, хранителю царских лесов, чтоб он дал мне деревья для ворот крепости, которая при доме Б-жьем, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить. И дал мне царь, так как творящая благо рука Б-га моего была надо мною" (Нехемия, 2:7-8). Прибыв на место, он распорядился немедленно приступить к строительным работам.

Враги евреев - Санвалат из Хорона, Товия-аммонитянин и Гешем Арави - попытались помешать строительству стены и составили заговор о нападении на Иерусалим. Поэтому Нехемия пришлось разделить немногочисленных иерусалимцев на строителей и стражников; впрочем, и занятые на строительных работах тоже не расставались с оружием: "Половина молодых людей у меня занималась работой, а другая половина их держала копья, щиты, луки и латы. <...>

Строившие стену и носившие тяжести, которые налагали на них, одно рукою производили работу, а другую держали копье. Каждый из строивших препоясан был мечом по чреслам своим, и так они строили" (Там же, 4:16-18).

Когда враги поняли, что не смогут силой воспрепятствовать строительству стены, они начали действовать против Нехемии хитростью,ложно обвинив его в намерении восстать против персидского царя. Так они надеялись отвлечь правителя от работы. Однако и этот план провалился. Строительство городских укреплений было успешно завершено: "Стена была закончена в аваддат пятый день месяца элул - за пятьдесят два дня. Когда услышали об этом все неприятели наши и увидели это все народы, которые вокруг нас, то посыпаны они были сильно в собственных глазах и познали, что от Б-га нашего - исполнение этой работы" (Там же, 6:15-16).

Другое событие произошло через несколько столетий после смерти Нехемии, во время восстания Хасмонеев. Его точную дату мы находим в Мегилат Таанит ("Святке постов") - составленном в Иерусалиме незадолго до разрушения Второго храма небольшом, около сорока предложений, сочинении на арамейском языке, где перечисляются даты, на которые не назначают общественных постов. Одной из таких дат является "7 элула - день освящения стен Иерусалима, когда запрещено скорбеть".

После гибели легендарного Йеуды восстание возглавили его братья - Ионатан и Шимон. Воспользовавшись тем, что в Сирии началась борьба за власть, братья предприняли несколько успешных наступательных операций и даже ненадолго овладели Дамаском. Однако они не могли не понимать, что противник способен в любой момент перейти в контрнаступление. Поэтому, вернувшись из похода, они занялись возведением новых укреплений Иерусалима. Подробнее об этих событиях рассказываеться в Первой книге Маккавеев: "И возвратился Ионатан, и созвал старейшин народа, и советовался с ними, чтобы построить крепости в Иудее, возвысить стены Иерусалима и воздвигнуть высокую стену между крепостью и городом, дабы отделить ее от города, так, чтобы она была особо и не было бы в ней ни купли, ни продажи. Когда собрались устроить город и дошли до стены у потока с восточной стороны, то построили так называемую Хафенуфу. А Шимон построил Адиау в Сифиле и укрепил ворота и запоры" (Маккавеев I, 12:35-38). А вот как об этом рассказывается в "Иудейских древностях" Иосифа Флавия: "После всех этих предприятий как Шимон, так и Ионатан вернулись в Иерусалим. Собрав затем весь народ в святилище, Ионатан посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг Храма и укрепить ее высокими башнями: далее, воздвигнуть среди города другую стену и отрезать таким образом гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти

предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принял за отстройку города, а Шимона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее" (Иудейские древности, 13:5:11).

Еще один "градостроительный проект" за тридцать лет до разрушения Второго храма был осуществлен царем Агриппой - одним из самых благочестивых правителей той эпохи, однаково любимым и читым простым народом, и мудрецами. Агриппа был современником многих выдающихся знатоков Торы: раббана Гамлиэя, р. Иоханана бен Закая, р. Цадока, сорок лет постившегося в надежде предотвратить разрушение Храма. Да и сам Агриппа отличался праведностью, благочестием и скрупулезностью в соблюдении заповедей. Царь делал Храму богатые подарки (подарив, в частности, золотую цепь, некогда полученную от императора Калигулы), регулярно приносил добровольные жертвы (по словам мидраша, до тысячи в день!), лично участвовал в церемонии принесения первинок (Мишна Бикурим, 4:3), публично читал Тору в Храме (Сота, 41а-б). Благочестие царя доходило до того, что в городах с еврейским и нееврейским населением чеканились разные монеты: в нееврейских - с изображением императора и его собственным изображением, в Иерусалиме - без изображений, чтобы не нарушать запрет Торы.

Тем не менее, едва прибыв в Иудею, Агриппа приступил к строительству новых крепостных стен: "Царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны Нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не счел возможным ослушаться" (Иудейские древности, 19:7:2). В результате новые стены, которые сделали бы город неприступным, так и не были построены. Царь успел лишь возвести новые ворота. Произошло это в элуле, в 42 год новой эры.

Вывод из этих историй очевиден. Даже наиболее праведные еврейские правители, чьими современниками были выдающиеся знатоки Торы, никогда не считали, что изучения Торы и соблюдения заповедей достаточно для обеспечения безопасности еврейского народа. Поэтому, не забывая о Торе и молитве, они вместе с тем принимали все необходимые меры, чтобы любимый город и его жители могли спать спокойно: строили и укрепляли городские стены, возводили крепости, содержали сильную, боеспособную армию и обеспечивали мирным жителям нормальную жизнь.

Лехайя, № 9, 2011

Семейная хроника

ВОСПОМИНАНИЯ МАРКА ШАМИСА

Детство

Я родился физически не очень крепким и не очень послушным мальчиком. Бабушка тыкала мне ложку с едой в рот, а я не хотел кушать. Но она заметила, что я охотно кушаю у наших соседей, где за одним столом сидели еще два мальчика. Они черпали бульон не каждый из своей тарелки, а из общей глубокой посуды, скорее похожей на миску. Я тогда не знал, что это просто из-за отсутствия тарелок в доме. Бабушка ухитрялась заносить мой обед или завтрак к соседям, и я его там охотно съедал. Когда я капризничал, бабушка угрожала мне, что пойдет утопиться в Днестр, и делала вид, что идет эту угрозу осуществить. Но однажды я заметил, что она спряталась за дверью, и больше уже этот номер не проходил.

Дед Нафтали привел меня к первому ребе в хедере - его звали Эли. Я помню, у него была большая белая борода. Ребе учил меня и таких же, как я, ребят еврейскому алфавиту - это был первый класс. Мне было 4-5 лет. Показывая на букву "алеф" гибким гутаперчевым указателем, ребе говорил название буквы, и я повторял - алеф, и так далее несколько букв. Сначала он уделял внимание каждой ученику в отдельности, потом вся группа хором повторяла за ребе. Ребе не забывал каждого хвалить за успехи. Занятия продолжались недолго, но когда нас отпускали домой, мы вылетали из хедера, как картечка из ружья! Благо, что в те времена на улицах не было не то что автомобилей, но даже повозок с лошадьми или волами.

Учеба в хедере продолжалась до 7-ми летнего возраста. Я по мере роста переходил от одного ребе к другому, пока не дошел до изучения Торы у ребе Натаана. Я уже читал свободно Тору, но переводить свободно еще не мог. Здесь, в Израиле, в Ришоне я встретил одного врача, моего бывшего одноклассника, с которым я учился у последнего ребе - было что вспомнить. Вопросов ребе мы не задавали. Он читал соответствующий раздел Торы на иврите и переводил на идиш.

Хедер

Мы, дети, узнали очень рано, кто мы такие. В хедере нам объясняли, что мы евреи. Слово "еврей" мы не произносили. Мы знали название нашей национальности на идиш. Это звучит так: в единственном числе говорят с артиклем "а ид", во множественном "ид".

С северной стороны городка было село Черна, где жили молдаване. На южной стороне находилась деревня Сахарна, на востоке Днестр и напротив - город Рыбница, откуда видны были дымящиеся высокие трубы, очевидно, от заводов и слышны были звуки гудков поезда. А по вечерам были слышны звуки оркестра из городского сада. На запад уходила дорога в село Матеуц и дальше в уездный город Орхей. По воскресеньям в город к нам приезжали крестьяне на "картузах", у некоторых в повозки были запряжены не лошади, а волы. Крестьяне привозили сельхозпродукты, а в магазинах они покупали себе нужные им промтовары.

Изучая Тору, я все больше узнавал о традициях моего народа, с другой стороны я чувствовал какое-то раздвоение, и это причиняло мне немало переживаний. Я всегда стремился придерживаться традиций и вместе с тем относиться к другим окружающим меня народам с уважением, стараясь их понять.

Учился я в хедере до 7-милетнего возраста, разговорным языком там был идиш. Он относится к германской группе языков с примесью слов из язы-

ков народов, окружающих евреев в данной местности. Когда мне исполнилось семь лет, я пошел в первый класс румынской школы. В Резине сразу же после присоединения ее к Румынии в 1918 году была открыта начальная румынская школа и румынская гимназия до 4-го класса. Из Румынии прислали учителей и директоров, были и часть учителей из местных, которые знали молдавский язык, не очень отличающийся от румынского.

Нужно сказать, что интеллигентская элита Румынии не признает существования молдавского языка. Молдова, т.е. Бессарабия, в X - XI веках входила в состав Киевской Руси - в Галицко-Румынское княжество. Так что славянismов в молдавском, да и румынском языках очень много. Об этом можно много писать, как и спорить о сходстве и различиях между молдавским и румынским языками.

Как бы то ни было, а мои детские мозги тогда быстро схватывали языки. Вскоре я начал бегло говорить по-румынски. Дома, однако, продолжали говорить на идиш. Я стал двуязычным - "биглосса" (глосса - язык по-гречески): в школе - румынский, дома - идиш.

Я помню первые дни, когда я ходил в 1-й класс с дощечкой и грифелем. Мы записывали на дощечке буквы латинского алфавита и названия предметов, которые учитель нам показывала, на румынском языке. Весь класс хором повторял слова, сказанные "профессором" - так по-румынски называют учителя.

После окончания начальной школы я поступил в румынскую гимназию. В Резине существовала неполная гимназия - 4 класса вместо 8-ми. Чтобы поступить в пятый класс гимназии, необходимо было сдать специальный вступительный экзамен-допуск (по-румынски "адмиттере"). Для этого я поехал с отцом в столицу края Кишинев. Экзамен я сдал, но в пятый класс не поступил потому, что в этом году мы переехали в город Биволярь Яссского уезда на берегу реки Прут в румынской части Молдовы.

Об отце и его родителях

Отец Шамис Яков Залманович 1893 г. рождения, дедушка Шамис Залман, бабушка Шамис Нехама (в девичестве Вайдергорн)

Родились они, вероятно, на севере Бессарабии, они хорошо говорили на молдавском и румынском языках. Отец родился в селе Новоселица. Говорил хорошо на молдавском и русском языках. В 1936 году вся наша семья - папа, мама, я и моя сестра Бэла - покинули город Резину и переехали в городок Биволярь, что находится на правом берегу реки Прут, недалеко от города Яссы. С нами была домработница Параскева (мы ее звали Кица). Меня отдали в школу, которая находилась на окраине городка. Это было ремесленное училище, там делали плетенную мебель. Я думаю, что вскоре затея с переездом в Биволярь была задумана дедушкой Залманом и бабушкой Нехамой, чтобы мы были поближе к ним. Они жили недалеко, в часе езды на дедушкиной двуколке.

Бабушка имела маленький магазин (дугеана) в селе Якобени. Дедушка Залман имел в том же селе питейный дом. Известно, что в 18-19 веках бессарабские евреи занимались главным образом шинкарством и торговлей, т.е. были хозяевами кабаков и питейных домов.

Через некоторое время он продал питейное заведение, переехал на хутор около села Якобени и стал работать управляющим имения знаменитого помещика по фамилии Негруци. Этот помещик владел 500 гектарами пашни и лугов в местечке Брошени. Дедушка имел свою молотилку и мельницу, а также лошадь с бричкой (двуколка). Подальше от дома, рядом с конюшней находился свинярник, и в нем 10-15 свиней. Во время канука я находился всегда то у бабушки в Якобени, то на хуторе в Брошени у дедушки. Я любил лошадку дедушки и ухаживал за ней. Я заметил, что когда я открывал дверь конюшни, лошадь чувствовала, что иду именно я. Дедушка мне говорил, что лошади нельзя давать много овса, но я давал ей указанную порцию и всегда добавлял еще немного, сколько помещается в

одной моей ладони "сверх плана". А солому и траву можно было давать сколько угодно. Верховая езда была для меня самым приятным делом. Никогда я не подгонял лошадку плетью. Только на мои шаги она покачивала головой и мурлыкала. Я часто выходил из дома, прихватив в руке немного овса, подходил и открывал ладонь, и лошадь губами вылизывала все с ладони. Однажды я пронял кочан кукурузы и неправильно подал, и остался у меня на ноге большого попца синяк!

Дедушку и бабушку знала вся округа, дед имел деловые связи с ближайшими железнодорожными станциями - Владень на севере и Шолдано южнее вышеизнаненных сел. На железнодорожный вокзал Шолдано я ездил не верхом на лошади, а на двуколке с заданием "принести пакет". Дело в том, что на вокзале был зерновой склад, где работали два приемщика. Они принимали у дедушки зерно: пшеницу, овес, кукурузу. Дедушка предупредил меня, чтобы я взял этот "пакет" внутри помещения, так чтобы никто не видел. Я все понял, ведь мне тогда было уже 16 лет. Я уже разбирался в социальных явлениях, знал о структуре общества и о политическом положении в Европе после 1933 года. Это было уже 1936 год, т.е. прошло 3 года после прихода Гитлера к власти в Германии. Только позже я узнал, куда идет пшеница, выращенная крестьянами Румынии, куда идут кожа, меха, яйца и другое сырье, куда направляется румынская нефть из Плоешти. Все это шло в Германию.

Отец работал в Биволярах только один год. В 1936-1937 году мы переехали в город Яссы. Я, наконец, поступил в пятый класс платного лицей имени Михаила Когылничану, который находился почти рядом с нашей улицей. Половина учеников были евреями по национальности. Учителя были знаменитые, деканом лицея был Асман.

О переезде в город Яссы

Город Яссы - бывшая столица княжества Молдавия. Во время господства Штефана Великого границы Молдовы были: на востоке - Днестр; на севере - Буковина (Австро-Венгрия); на западе - центр восточных Карпат. В Ясах проживало очень много евреев.

Переехали в Яссы примерно в 1936 году. Я запомнил 1936 год по Олимпиаде, которая проходила в Германии, в Берлине, где в это время уже правил Гитлер.

Еврейское кладбище в Яссах

Я был с товарищами в кинотеатре "Трианон". Все картины всегда начинались с кино журнала. Кинотеатр работал с утра до ночи без перерыва. Сеансов не было - сиди и смотри сколько хочешь раз. Показывали кино журналь вроде "Последние известия". Показывали олимпийские соревнования. Показывали Гитлера, который сидел на трибуне в качестве болельщика, хлопал ладонью по колену и "переживал" за немецкую команду - команду "высшей расы". Чаще победа спортивные из США, к тому же негры! Помню, когда боксер Джоэль Люис, представитель "низшей" черной расы, во втором раунде сломал Максу Шмelingу несколько ребер - на этом игра была прервана! Реакция представителей "высшей расы" была очень бурной!!!

В связи с Олимпиадой и запомнился год переезда в город Яссы.

Папа был врач - представитель "свободной" профессии - и в поисках счастья кочевал с одного места на другое. Так я запомнил, где он работал, начиная примерно с 1928 года: Липкань - городок или скорее большое село на севере Бессарабии; Рэдэуц - тоже городок на севере Бессарабии; Резина - родной город бабушки Розы и мой родной городок.

**Публикация Эллы Осипчук
(Продолжение следует. Начало в № 158)**

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

Эммануил Казакевич известен массовому читателю, в основном, как автор повести "Звезда", по которой дважды был снят художественный фильм. И вот, неожиданность...

В еженедельник "Еврейское Слово" (номера №№ 18, 19 за 2011 год) опубликован материал журналистики Шуламит Шалит под названием "Адмирал океана" - о незавершенном Казакевичем пьесе о Христофоре Колумбе и многое еще о самом Эммануиле Генриховиче Казакевиче...

Хочется исследовать и другие источники, начать с биографии Казакевича, в которой уже открытыми являются неожиданные моменты...

Эммануил Казакевич родился 24 февраля 1913 года в Кременчуге Полтавской губернии в семье учителя, впоследствии журналиста. Окончил семилетнюю школу и машиностроительный техникум в Харькове в 1930 году (по некоторым источникам - не закончил). Отклинувшись на призывы к освоению Дальнего Востока, он, семнадцатилетний, уехал в Биробиджан, в недавно созданную Еврейскую автономную область. Вслед за ним, приехали родители. Там и началась трудовая деятельность Э. Казакевича. Он сменил много профессий: был культистуктором, начальником строительства Дворца культуры, председателем колхоза, директором драматического театра, председателем Областного радиодикторского коллектива, заведующим литературной частью газеты "Биробиджанская звезда". Одновременно занимался литературным трудом, сотрудничая в газетах и журналах Дальневосточно-го края. С начала 30-х годов публиковал стихи, песни и поэмы на идиш. Вышло первое синтаксическое "Биробиджанстрой" сборника "Ди грайсе вейт". Большой мир - 1939 - поэма "Шолом и Ева" - 1941 г. Переводили на идиш сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и В.В. Маяковского. В 1938 году на сцене Биробиджанского театра было поставлено известная драма "Уриэль Акоста" - историческая трагедия, написанная немецким писателем Карлом Гукковым в 1846 году и переведенная Казакевичем на идиш с русского.

Отец Эммануила - Генрих Казакевич, журналист, стал первым редактором областной газеты на идише "Биробид-

янская звезда", членом обкома партии. В возрасте 52-х лет он скончался в 1935 году (возможно, хорошо, что не дожил до 1937 года!) Через полтора месяца умерла мать, Эммануил, ставший заметной фигурой в Биробиджане, вовремя (!) - в 1938 году, переехал в Москву, где занялся литературным трудом. Хотя Казакевич был снят с военного учета из-за близорукости, но, когда началась война, добровольно пошел на фронт, проделав путь от рядового бойца московского ополчения до помешника начальника разведки одной из армий, штурмовиков берлин. Войну закончил в звании майора и награжденным - 4 орденами и 4 медалями. В 1946 году демобилизовался из армии по болезни, вернулся в Москву и возобновил прерванную войной литературную работу. В этом же году пишет знаменитую повесть "Звезда" (удостоена Сталинской премии), в 1948 - повесть "Двое в степи", в 1949 - роман по последнему этапе войны - "Весна на Одере", над которым работал два года (вторая Сталинская премия - 1950 г.). В 1951 году пишет повесть "Сердце друга", в 1955 - роман "Дом на площади", в 1961 - рассказ "При свете дня" и повесть "Синяя гирда".

Родные мы не знали, что Казакевич до войны, так же, как и его отец, были на идише - на родном языке. Так он писал до 1941 года, на его первой работе по русскому языку была послевоенная повесть "Звезда". Но еще до войны Казакевич решил написать на родном языке о трех личностях, которые притягивали его - о Колумбе, Моцарте и Шопене. И начал с пьесы о Колумбе в возрасте, кстати, 26-27 лет! Он чувствовал себя адреналином...

Автор публикации в "ЕС" Шуламит Шалит, оказывается, была знакома в Иерусалиме с двумя дочерьми Казакевича - Ларисой и Ольгой, а затем и с его женой - Галиной Осиповной (1913-2001), приехавшей к детям позднее, после того, как завершился в России дела, связанные с изданием произведения Эммануила, приведением в порядок его рукописей и передачи их в РГАЛИ. Галина Осиповна в беседе с Шалит как-то обмолвилась, что какие-то тетрадки Эммануила с записями оставались у старшей дочери, покойной Жени, и, возможно, сохранились у внuka живущего в Москве... И выяснилось, что сохранились!!!

В итоге, в Иерусалим прибыл пакет и попал к Шуламит Шалит. Галина Осиповна с легкостью, по телефону, разрешает ей его вскрыть... Среди беспорядочно сложенных листочков оказалась карточная лапка с надписью "Адмирал океана". Наброски, незаконченное произведение. 40-41 год. Что сохранилось, произвело огромное впечатление. Написано в стихах, сочным русским языком. Трудно было представить, что до сих пор Казакевич писал (может быть, и думал?) только на еврейском языке. Пьеса обещала быть значительной... Но, началась война...

Казакевич после войны не только не возвращался больше к рукописи, но убрал ее - с глаз долой. Разве мог кто-либо

после войны и позднее, в годы борьбы с комсомолитизмом, произнести со сцены реплику одного из персонажей: "Наш король любит сначала высоконосить человека, а затем еще выше - на виселицу"?

?.. я приехал в 1950 году Казакевич в последний раз записывает для себя "Закончить "Колумба", но так и не вернется к пьесе. Слыхом страшное время стояло на дворе... Скучно написанное было, жалко Казакевича складывает листы недописанной пьесы в папку и откладывает хранение старшей дочери Жени, умершей в возрасте 36 лет в 1972 году... Счастье, что папку с рукописью не выбросили!

Чем же притягивал Колумб Казакевич? Возможно не только своей личностью, но и историческими событиями в Испании того периода, когда Колумб готовился и отправлялся в путешествие? Слоры о родине Колумба и его национальности ведутся до сих пор. Библиография Казакевича, связанная с Колумбом, огромна - книги разных стран и на разных языках. Одни источники указывают на еврейское происхождение Колумба, другие - на то, что сам Колумб считал себя потомком царя Давида, был знаком с языком - иврит, испытывал желание к судьбе своего народа.

Известно, что в 1942 году некрещенные евреи были изгнаны из Испании. Покинуть ее они должны были 31 июля, но им позволяли, как величайшую милость, еще два дня, то есть перенесли на 2 августа. Ранее на этот день было назначено открытие экспедиции Колумба, деньги на которую, кстати, он получил от богатых испанских евреев. Колумб перенес открытие на 3 августа. Почему? Не потому ли, что 2 августа этого года было чрным днем в член еврейского траура - 9 дней месяца Ав - днем разрушения Второго Храма?

Очень требовательный к себе Казакевич на протяжении всей творческой жизни испытывал неудовлетворенность и недовольство собой, но все, что им было написано, всегда хорошо принималось читателями. Интересно то, что, будучи языком, который не пользовался в Союзе. В частности, "Звезда" - авторском переводе на идиш была опубликована в Польше, авторский вариант романа "Весна на Одере" вышла в 1950 году в Урграве.

Умер Эммануил Казакевич от рака в возрасте 49 лет 24 сентября 1962 года в Москве, работая до последнего дня. Он не успел сделать очень много. Писал "Весь мир кишит сюжетами". Он хотел написать энциклопедию советской жизни за 25 лет, выносила тему о роли и вкладе евреев в русскую и мировую культуру, планировал многое другое...

ПОЭТ АЛЕКСАНДР КУШНЕР

П о э т у Александру Кушнеру в сентябре этого года, 14 сентября, исполнилось 75 лет. Он замечательный лирик, высекающий радость из, казалось бы, самых простых переживаний.

Мне не важно, какой сегодня день, И какое число, мне безразлично, Потому что пышная сирень В переулке цветет так хаотично...

Я случайно набралось на кушнеровское стихотворение о немецком писателе Гофмане.

Одну минуточку, что я хотел спросить:
Легко ли Гофману три имени носить?
О, горевать и уставать за трех людей
Тому, кто Эрнст, и Теодор, и Амадей...

Какая колоритная строчка: "Одну минуточку, я что хотел спросить..." Юнна Мориц в стихах где-то обронила: "Нация есть интонация". Кушнер родился в Ленинграде в интеллигентной семье, язык идиш не знает, да и не слышал. А вот как-то генетически интонация проклонулась. Потом в стихотворении "Буквы" встретил такие строки:

Летят еврейское письмо.
Куда? - Не ведает само,
Слова, написаны, как ноты.
Скорее скрипичку хватай,
К щеке платочек прижимай,
Не плакь, играй... Ну что ты? Что Ты?

А вот что Александр Кушнер ленинградец, писатель, можно почувствовать во многих стихотворениях поэта. Вот эти строки мог написать только настоящий петербуржец:

Как клен и рябина растут у порога,
Росли у порога Растреля и России...

А далее широкий разлив большого стихотворения "Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки..."

Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки,
у стриженных лип на виду,
Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу.
Меж Марсовым полем и садом
Михайловским, мимо быльых
Конюшен, широким обхватом
Державших лошадок лихих.

А дальше - буду только выбирать отдельные строки из этого большого стихотворения:

Пойдем мимо пушкинских окон...

Ну да, они ведь там, на Мойке.

Пойдем, как по берегу Леты,
Вдоль окон пойдем и дверей,
Вдоль здания главного штаба...

И еще:

Потом через Невский, с разбегу,
Все прямо, не глядя назад,
Пойдем, заглядевшись на реку
И Строганов яркий фасад...

И еще:

Как ветром нас тянет и тянет.
Длинноты в стихах не любят.
Ты шепчешь, стихотворять устанет!
Не бойся, не больше тебе!..

И последняя октава

Твоя ненаглядная рука
Так крепко скимая в своей,
Я все отодвинут разлуку
Пытаюсь, но помню о ней.
И может быть, это сверканье
Листы, и дворцов, и реки
Возможно лишь в силу страданья
И счастья, ему вопреки!

Вот такой гимн рода городу, родному Питеру!

Со второй половины семидесятых годов появляются у Кушнера стихи о времени, размышления, которые называются философскими. Вот это стихотворение о времени, вернее - о временах стало хорошо известно:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Больше юности на свете
Нет, чем юнчич и пеняль
Будто можно те на эти,
Как на рынке поменять.

Что ни век, то век железный...

Эта строка - "Что ни век, то век железный" - два раза повторяется в стихотворении. А ведь первый о железном веке написал Баратынский.

Ты себя в счастливцы пронишишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полулыте?

Что ни век, то век железный...

Да, живет в Петербурге поэт Александр Кушнер. И в поздние годы задумывается над вопросами, волнующими человека с давних, очень давних времен.

Есть два чуда, мой друг,
Это нравственный стержень и звездное небо,
По Канту...

Кто читает и перечитывает Библию, Пятикнижие, Танах, тому хорошо известен этот нравственный стержень, сформулированный нашими предками еще за тысячи лет до Канта.

А закончить хочу еще одним стихотворением Александра Кушнера:

Какое чудо, если есть
Тот, кто затеплил в нашу честь
Ночное множество звездий!
А если все само собой
Устроилось, тогда, друг мой,
Еще чудесней!

Мы разве в проигрыше? Нет.
Тогда все тайна, все секрет
А жизнь совсем невероятна!
Огонь, несущийся во тьму,
Еще прекрасней потому,
Что невозвратно.

Иосиф Гин

ЕДИНСТВО (Из книги "Осенние праздники")

Пинхас Полонский

Единство в поколении

Одно из красочных действий праздника Суккот - нетилат лулав - "вознесение лулава". Лулавом называется как лист пальмы, так и связанный с его помощью набор арба миним - "четыре вида". В Торе заповедано (Левит 23:40):

"И возьмите себе в первый день праздника плод дерева великолепного, (этрог - вид цитрусового), листья финиковой пальмы (лулав), и ветви дерева густолистенного (мирт), и куста речного (иво)".

Лулав, мирт и иву крепко перевязывают (но нитками, а лулав же, чтобы в связке не было ничего, кроме перечисленных растений), берут их в правую руку, этrog в левую и, соединив, благословляют и потрясают последовательно в направлении всех сторон света. Этую процедуру повторяют все семь дней праздника.

В те времена, когда существовал Храм, "вознесение лулава" проводилось только в нем. Сейчас, когда Храма нет, наше "вознесение лулава" - память о Храме, и каждый человек обязан исполнить эту заповедь Торы. Что она символизирует? Она символизирует единство народа:

Ива - у нее нет запаха, но вкуса - это евреи, у которых нет ни знания Торы, ни добрых дел.

Мирт - запах у него приятен, но нет вкуса - это евреи, распространяющие, как аромат, добрые дела, но не обладающие Торой.

Лулав - финик сладок, но лишен запаха - это евреи, у которых есть Тора (от их познаний можно вкусить), но нет добрых дел.

Этрог - обладатель и вкуса и запаха - это евреи, у которых есть и понимание Торы, и добрые дела в этом мире.

Все мы разные, но мы составляем один народ. И соединяя "четыре вида", мы показываем, что осознаем наше единство.

Почему же "вознесение лулава", символизирующее единство евреев, производится именно в Суккот? Потому, что основной мотив этого праздника - "радость после очищения", веселье после дней тщущ и суда. Наши грехи являются перегородкой между евреями; они мешают нам чувствовать себя единим цвем. Кроме того, они являются преградой между нами и Всеышним. Очистившись в Рош ха-Шана и в Йом Кипур, мы вновь провозглашаем наше единство и нашу близость к Богу.

Во время "вознесения лулава" следует взмахнуть им поочередно в направлении каждой из четырех сторон света, а также вверх и вниз. Это действие - символ единства евреев, провозглашаемое "четырьмя видами", распространяется на весь мир, и, кроме того, на весь мир распространяется власть Бога и наша связь с Ним.

Единство еврейского народа во всех его поколениях

Народ Израиль - это не только евреи, живущие сегодня, это также и ушедшие, и будущие поколения. Мы получили в наследство Тору, языки и Страну Израиль. Наши дети получат все это от нас.

В праздник Суккот, когда после очищения от грехов уничтожаются преграды между Израилем и Богом и перегородки внутри Израиля, мы начинаем остро ощущать связь с нашими истоками. Эта связь находит свое выражение в образе упомянут - "всиксие гости".

В книге Зошар сказано: "Когда народ Израиль покидает свои дома и во имя Бога уходит в шалаш, он удостаивается Шехины, Божественного присутствия, и семь великих праведников спускаются в наш мир и приходят в шалаш в качестве гостей". Это Авраам, отец наш, Ицхак, отец наш, Иаков, отец наш, Иосиф праведный, Моисей, учитель наш, Аарон, Первовсвященник, Давид, царь наш. Они живут в шалашах со всем Израилем все семь дней праздника. Жизнь каждого из них в чем-то подобна дальнейшей жизни всего народа. Каждый из них олицетворяет один из аспектов взаимоотношений человека с миром. Например, Авраам олицетворяет хесед ("благородство", "способность отдавать"), Ицхак - аспект гурава ("сила", "способность удерживать") и т. д. Все эти различные аспекты в целом составляют еврейский опыт достижения мира. Более того, каждый из великих праведников не только

олицетворяет какой-либо аспект еврейской жизни, но также и служит каноном - в мистическом смысле, - по которому притекают силы в соответствующие сферы "общенациональной души". Каждый еврей, изучающий Тору, чувствует свое родство с ними. Поэтому в праздник "веселая после очищения", когда уничтожаются преграды между евреями, и связь с предками ощущается особенно сильно, евреи рады приветствовать в своих шалашах тех, кому обязаны они своей верой и своим пониманием действительности. И перед тем, как сесть за праздничную трапезу, евреи приветствуют своих "высоких гостей". Текст этого традиционного приветствия приведен в маахоре (сборнике молитв и гимнов) на Суккот. В восточных общинках принято оставлять для этих почетных гостей специальные места.

Единство и взаимоотношения евреев с миром

Единство, радующее нас в Суккот, не исчерпывается внутренним единством еврейского народа и связью между ним и Богом. Праздник Суккот освещает нам также некоторые вопросы, касающиеся единства человечества, вопросы соотношения евреев с остальным миром, взаимоотношений Израиля с другими народами. Так пишет об этом рав Элиэзэр Кит-Тов:

"Иди и посмотри, чего отличается Израиль от других народов. Когда праздник "у народов" - сердце их обращено к самим себе, когда же радуется Израиль, - сердце его обращено к миру".

Это видно, например, из порядка праздничных жертвоприношений в Суккот. Каждый день праздника, помимо обычных ежедневных и праздничных жертвоприношений, приносимся особые жертвы, и общее число этих дополнительных жертв - семидесят. Они соответствуют семидесяти народам, которые произошли от сыновей Ноя и породили все современные народы и племена. Жертвы приносятся для искупления грехов народов мира, чтобы благое Божественное влияние распространялось на всех, и, как говорится в молитве Алейху лешебаах, произошло "исправление мира под властью Бога", т. е. во имя установления царства Бога на земле. Чтобы исполнилось пророчество Исаии: "И не поднимет народ меча на народ, и не будет более учиться воевать" (Исаия 2:4).

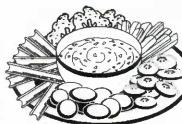
За Израиля приносились отдельная жертва в Шмини Ацерет, она не входила в эти семьдесят жертв за народы мира. И хотя сегодня у нас нет Храма и жертвоприношений, мы все равно должны пытаться осознать их значение. Израиль, даже будучи рассеян среди других народов, един и отделен от них. Но избранность Израиля не самоцель. У него есть особые функции и задачи в этом мире. Входя в шалаш, мы должны осознавать, что существуем не ради нас самих, но ради "исправления под властью Бога" всего мира.

И еще так говорит Мидраш: "Если бы народы мира знали, сколь важно для их собственной жизни существование Израиля, то не только не стали бы разрушать его, но поставили бы вокруг него стражу, охраняющую Богослужение" (Бамидбар Раба 1). Царь Соломон, строя Храм, просил Бога: "Если повернется к Тебе и придет к Твоему Храму человек чужой, который не из народа Твоего... - то сделай ему по его просьбе" (Царя I, 8:41-43). А о сынах Израиля просил: "Сделай ему по справедливости, в соответствии с тем, что Ты видишь в его сердце: если заслужил он, то дай ему, если же нет, то не давай" (Хроники II, 6:39).

Итак, в Суккот происходит переселение Израиля из постоянных жилищ во временные шалаша - т. е. признание над собой власти Бога - ради привнесения Божественного начала в мир.

<http://www.machanaim.org/holidays/sukkot/sukkot-kn.htm>

Наша кухня

Баклажаны с бараниной

500 гр. баклажан, 3 луковицы, 2-3 зубчика чеснока, 2 помидора, 700 грамм баранины, 6 столовых ложек растительного масла. При необходимости можно добавить мясной бульон. Специи по вкусу.

У баклажана срезать плодоножки, нарезать кусочками, смешать с одной столовой ложкой соли и дать 30 минут постоять.

Крупно порезать лук, натереть чеснок. Очистив от кожуры, крупно нарезать помидоры. Баклажаны вымыть от соли и обсушить. Обжарить их на смеси растительного и сливочного масла, вынуть на дуршлаг и дать стечь жира.

Мясо - лопатка или задняя часть без костей - нарезать на кубики примерно в 2 см. Подрумянить мясо на том же масле, в котором обжаривали баклажаны, и переложить его в кастрюлю.

В сковороде обжарить лук, чеснок, помидоры и также положить в кастрюлю, к мясу. Посолить, поперчить. Потушить примерно 30 минут. Перед окончанием всыпать баклажаны и дотушить еще примерно в течение 20 минут.

Баранина с медом и черносливом

На шесть порций: 130 г чернослива без косточек; 350 г горячего чаю; 1 кг баранины для тушения, например лопатки, нарезанной на маленькие куски; 1 нарубленная головка репчатого лука; 5-6 ст. ложек нарубленной свежей петрушки; 1/2 ч. ложки молотого имбиря; 1/2 ч. ложки порошка карри; щепотка тертого мускатного ореха; 2 ч. ложки молотой корицы; 1/2 ч. ложки нитей шафрана; 2 ст. ложки горячей воды; 5-9 ст. ложек меда по вкусу; 250 г говядинки или баранины бульона; 115 г поджаренного миндаля без шкурки; 2 ст. ложки нарубленной свежей кинзы; 3 кружка яичка, нарезанных дольками; соль; молотый черный перец.

Нагрейте духовку до 180 С. Положите в миску чернослив, залейте его чаем, закройте миску крышкой и оставьте распариваться.

В жаровню положите баранину, нарубленный репчатый лук, петрушку, имбирь, карри или рас эль хану, мускатный орех, корицу, соль и большую щепотку черного молотого перца. Закройте крышкой и тушите в духовке 2 часа или до тех пор, пока мясо не станет мягким.

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, проспект Первомайский, 1 тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ТОТ, КТО ДОВЕРЯЕТ СУД ДУРАКАМ,
БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН ЭТИМ СУДОМ ДУРАКОМ

Мидраш

ХЭСЭД АГАМИМ ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ВАЛИТ Зинаиду Григорьевну

КАЦА Замуеля Гиршовича

КОСОИ Александра Моисеевича

САФРОНА Феликса Генриховича

ХОРОША Льва Кальмановича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!